

УДК: 614. 253

ЭВТАНАЗИЯ И ВРАЧ: ОТ БИОЭТИКИ И ПРАВА К АНТРОПОЛОГИИ И ЧЕЛОВЕКУ

Панищев А.Л.

Курский государственный университет

Данная статья посвящена проблеме эвтаназии, которая рассматривается автором в контексте философско-антропологических воззрений таких представителей русской религиозной философии, как Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьёв, И.А. Ильин. Согласно их учению, действие, направленное на лишение человека жизни, ведёт к разрушению человеческой природы. Исходя из данной идеи, мы можем рассматривать эвтаназию как действие, ведущее к нарушению человеческой природы врача.

*Я тебе когда-нибудь расскажу, как я шёл...
Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не
старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал
себя навеки!... А старушонку эту чёрт убил,
а не я...*

Ф. М. Достоевский. «Преступление и наказание»

Среди современных проблем биомедицинской этики особую остроту приобрели дискуссии относительно эвтаназии. В ходе осмысления проблемы «лёгкой смерти» при участии врача сложилось два подхода к её решению: традиционная и либеральная позиция. Первая выступает против эвтаназии, вторая – за.

Для более комплексного исследования поставленной проблемы будет целесообразно обратиться к наследию русских религиозных философов. Конечно, несмотря на то, что само понятие *эвтаназии* было предложено ещё Ф. Беконом, в русской мысли в XVI-XVII вв. ещё не могли исследовать такую тему, поскольку даже её постановка воспринималась как кощунственная. Сейчас тема эвтаназии охватывает целый спектр вопросов права, биоэтики, а также антропологии. В этой работе мы рассмотрим проблему эвтаназии в контексте философской антропологии. Антропологический ракурс расширит проблемное поле данной темы и выведет её за рамки биоэтических и правовых вопросов.

Сама постановка вопроса об эвтаназии свидетельствует об общественном развитии. Так, в древние времена физическое уничтожение нетрудоспособных людей рассматривалось как необходимая норма. Впрочем, достаточно вспомнить образ жизни в средневековой Японии, когда, ради спасения детей от голодной смерти, японцам приходилось уносить своих престарелых родителей умирать в горы. Конечно, эта мера была вынужденной и, надо отдать должное

японской нации, убийство ради облегчения жизни семьи и отдельных её членов не стало рассматриваться ею в качестве нормального явления. Важно подчеркнуть, что, несмотря на логическую обоснованность действий японцев, неприятие ими образа жизни, толкающего их на физическое устранение нетрудоспособных людей, было очевидным; что и приводит нас к мысли о необходимости исследования проблемы эвтаназии в антропологическом ракурсе.

По мере развития морали и права запрет на эвтаназию стал приобретать юридический статус, что свидетельствует о восприятии данной проблемы как осознанной актуальной и экзистенциально важной темы. Однако, рассматривая проблему эвтаназии в контексте права, мы ставим социум в затруднительное положение, поскольку развитие правовых наук вовсе не обязательно соответствует росту нравственного сознания в стране. Общественности пришлось осмыслить тот вопрос, ответ на который ранее казался очевидным, а самое главное, пересмотреть отдельные поступки, прежде считавшимися обоснованными и необходимыми. В данном случае уместно обратиться к словам из Писания: "Я жил некогда без закона; но когда пришла заповедь, то грех ожил. А я умер; и таким образом заповедь к жизни послужила мне к смерти. Потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил его" (Посл. к Римл. 7, 9-11). Здесь мы подходим к сложной проблеме соотношения нравственного и правового сознания

общества, решение которой представляется возможной в антропологическом ключе.

В первую очередь, мы обозначим такие понятия, как *естественное право* и *положительное, или позитивное право*. Сущность первого в русской религиозной философии сводится к допытным формам мироощущения, характерных для человеческой природы. В позитивном праве естественные ощущения людей фиксируются в законах и приобретают правовой статус. Ильин так характеризует назначение положительного права: «Основная задача положительного права состоит в том, чтобы *принять в себя содержание естественного права, развернуть его в виде ряда правил внешнего поведения, приспособленных к условиям данной жизни и к потребностям данного времени, придать этим правилам смысловую форму и словесное закрепление и, далее, проникнуть в сознание и к воле людей в качестве авторитетного связующего веления*» (Ильин И. О сущности правосознания // Собрание сочинений в 10 т. Т.4, М., 1994. 201-202). Собственно говоря, положительное право, по своей идее, в своём развитии следует естественным чувствам и призвано содействовать раскрытию и действительному утверждению их в обществе. Надо подчеркнуть, что ряд философов, в том числе и И.А. Ильин, исходили из утверждения нравственной природы человеческого существа. Стало быть, право есть выражение теоретически оформленных представлений, естественным образом характерных для человеческой природы. «Сознание усматривает не только *объективный* смысл положительного права, но и *объективную идею естественного права* и ставит перед собою задачу довести этот «смысл» до соответствия «идее», - пишет философ (Ильин И. О сущности правосознания // Там же, с. 210).

Одним из правовых запретов, исходящих из нравственных представлений, стало воспрещение лишения жизни. Само государство, по своей природе, призвано защищать честь и жизнь своих граждан, а также способствовать росту их индивидуального и общественного сознания. Например, в древнеримском государстве до I в. до н.э. даже диктатор не имел права лишить жизни гражданина Рима в пределах самого «вечного города». Такой закон носил, конечно, символический характер, но он подчёркивал идею государства, которая должна сохраняться и в критических ситуациях. Таким образом, можно предположить, что изначально законодательство, даже до зарождения правовых наук, формировалось вокруг идеи защиты чести и жизни граждан. Тем не менее в ходе исторического развития общественность столкнулась с различными способами и мотивами лишения жизни, среди которых

в настоящее время особое место заняла и эвтаназия.

Итак, мы видим, что, согласно принципам государственного устройства, жизнь человека представляется важнейшей ценностью. Данная установка, в соответствии с воззрениями русских религиозных философов, исходит из естественного чувства неприкосновенности жизни индивида, убийство которого неизменно влечёт за собой нарушение человеческой природы того, кто совершает преступление. Однако, какими бы ни были мотивы лишения жизни, нам важно выделить саму установку того, что аморальный поступок, в том числе и убийство, есть нарушение человеческой природы тех, кто совершает и допускает такое тяжкое правонарушение. Поэтому В.С. Соловьёв пишет: "Высшая нравственность не позволяет... быть равнодушным к тому, чтобы... ближние беспрепятственно становились убийцами и убиенными, грабителями и ограбленными, и чтобы общество, без которого и единственный человек не может жить и совершенствоваться, подвергалось опасности разрушения" (Соловьёв В.С. Нравственность и право // Соловьёв В.С. Избранные произведения. Ростов-на-Дону, 1998, с. 520). Действительно, важным симптомом нравственного регресса индивида является его безразличное отношение к духовному упадку других людей. Так, Р. Раскольников, незадолго до своего преступления рассуждал: «Ну пусть и с того тоже возьмёт да и отпустит с ним девочку, тем и кончится... И чего я взялся тут помогать! Ну мне ль помогать?... Да пусть их переглодают друг друга живьём – мне-то чего?» (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Собр. соч. в 12 т., т. 5, М., 1982., с. 51-52). Собственно говоря, сущность живых людей проявляется в их отношении как к духовно, так и к физически умирающему человеку.

Возвращаясь к проблеме эвтаназии, правомерно поставить вопрос: а кто из медицинских работников будет убивать, кто согласится выполнять «чёрную» работу? Если мы узаконим эвтаназию, то значит ли это то, что наше общество будет строить своё спокойное будущее на основе духовного разложения врачей, на основе того, что врачебная деятельность превратится в нейтрально техническое выполнение каких-либо действий, в рамках которых сохранение нравственного образа врача будет совсем необязательным? Нетрудно предположить, что в обществе, при обстоятельствах несоответствия действий врачей естественным чувствам морального, авторитет медицины будет поставлен под сомнение, а клятва Гиппократы потеряет смысл. Самым же опасным является то, что для врачей убийство человека будет выглядеть профессиональной по-

вседневностью, а их человеческая природа неизбежно подвергнется деформации.

Отметим, что факт столь активного обсуждения проблемы эвтаназии может свидетельствовать о неприятии человеческой природой мысли о легализации эвтаназии. Так, Б.В. Марков замечает: «Закон предполагает первичное переживание вины и греха» (Марков Б.В. *Философская антропология*, СПб, 1997, с. 106). В данном контексте этот грех связан с помыслами о допущении убийства, о клятвопреступлении. Однако мы не можем обойти стороной тему страданий человека, которые подчас настолько велики, что разрушают его психику, а в отдельных случаях способствуют нравственному упадку и духовному вырождению. Здесь в решение проблемы должно, лучше сказать - обязано, вмешаться государство. Так, согласно воззрениям русских мыслителей, основная цель государства состоит в создании условий, при которых духовное спасение человека было бы наиболее вероятным. Другими словами, правительство обязано заботиться о духовном облике каждого своего гражданина. Тем не менее внутренняя жизнь человека, как правило, тесно связана с его физическими ощущениями, некоторые из которых препятствуют росту индивидуального сознания. Всё же медицина, в ходе своего развития, выработала ряд мер, с помощью которых можно облегчить страдания пациента и тем самым предохранить его сознание от регресса. Однако медикам, которые являются неотъемлемой частью общества, для эффективного ухода за больными важно чувствовать социальную и государственную поддержку. Исходя из данного положения, можно заключить, что при политике, направленной на поддержание медицины, на благоустройство хосписов, общественность сможет отказаться от обсуждения вопроса о легализации эвтаназии.

Конечно, при узаконивании эвтаназии, последняя может стать нормой, которая в восприятии людей приобретёт ряд моральных значений. В связи с этим вспомним некоторые размышления о герое романа Ф.М. Достоевского Расколь-

никове, который «...утверждает своё право пролить кровь «по совести», а это «ещё более страшно, чем «официальное разрешение кровь проливать», ибо открывает широкую дорогу для полного произвола» (Румянцева Э.М. *Фёдор Михайлович Достоевский. Биография писателя*. Ленинград, 1971, с. 150). Полагаем, что здесь следует добавить и то, что легализация эвтаназии обесценит сам историко-философский опыт человечества, стремящийся утвердить ценность индивидуальной жизни. Утрата же чувств морального, осознанных и нормативно оформленных в социуме, повлечёт за собой коренную перестановку аксиологического ряда, что не сможет не повлиять на социальное восприятие принципов права и биоэтики.

Итак, подводя итоги данной статьи, следует заметить, что в вопросе ускорения смерти неизлечимо больного индивида мы подвергаем серьёзному испытанию те основы, которые образуют человеческое существо. Можно предложить, а точнее, придумать, любые теории о праве на убийство, но невозможно изменить собственную природу, нарушение которой способно привести к вырождению человека как Храма Божьего, как разумного существа, созданного по образу и подобию Бога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Собр. соч. в 12 Т., т. 5, М., 1982.
2. Ильин И.О. сущности правосознания // Собрание сочинений в 10 т. Т.4, М.: Русская книга, 1994.
3. Марков Б.В. *Философская антропология*, СПб, 1997
4. Румянцева Э.М. *Фёдор Михайлович Достоевский. Биография писателя*. Ленинград, 1971.
5. Соловьёв В.С. *Нравственность и право* // Соловьёв В.С. *Избранные произведения*. Ростов-на-Дону, 1998.

EUTHANASIA AND A DOCTOR: FROM BIOETHICS AND LOW TO ANTHROPOLOGY AND HUMAN Panischev A.L.

This article is devoted to the problem of euthanasia. The approach to study of this question is connected with anthropological views of such philosophers as V.S. Soloviev and I.A. Iluin. With accordingly to views of these philosophers, action, aiming to deprive a man of his life, lead to destruction of human nature. Following this idea of euthanasia we can understand euthanasia as action leading to violence of human nature by a doctor.